

Парижский Земско-Городской Комитет и российская эмиграция в Польше в 20-30-е гг. XX ст.

Ёлкин А. И.

В статье рассмотрен процесс взаимодействия Парижского Земгора с российскими эмигрантскими организациями в Польше. Так же изучены факторы влияния на особенности этого сотрудничества, а также проанализированы этапы становления и изменения этих взаимоотношений.

Ключевые слова: Польша, Земско-Городской Комитет, беженцы, адаптация, культурно-просветительная работа.

Проблема адаптации российских беженцев 20-30-х гг. XX ст., оказавшихся на территории стран-реципиентов, безусловно, зависела от политической и социально-экономической ситуации в принимающей стране. Славянские страны: Болгария и Югославия, а особенно Чехословакия («русская акция») оказали беженцам радушный прием. Их власти для предоставления изгнанникам необходимой помощи создали эмигрантско-государственные организации. В Болгарии – Комитет помощи русским беженцам, в Югославии – Державную комиссию. В Польше в отличие от других славянских стран не существовало ни специальных программ помощи российским беженцам, ни государственно-эмигрантских организаций. В такой ситуации разнообразную помощь изгнанникам, особенно нуждающимся и социально незащищенным, могли предоставлять в первую очередь организации, созданные самими беженцами. Одной из таких организаций являлся Парижский Земско-Городской Комитет (*Далее – Земгор*), основанный в феврале 1921 г. Комитет возник под влиянием создавшихся условий после падения Крыма и массовой эвакуации с Юга России. Председателем комитета был избран Г. Е. Львов – бывший премьер-министр Временного правительства первого созыва [8, с. 39].

Эта организация появилась в России летом 1915 г. в результате объединения Всероссийского Земского союза и Всероссийского Союза городов. В 1918 г. большевики его упразднили, но в эмиграции Земгор возобновил свою работу. Одновременно возникли организации Земгора в Чехословакии, Германии, Болгарии, Греции, Югославии, а позже в Китае [10, с.159]. Основные направления их деятельности обозначены в работе П. Е. Ковалевского [7]. Деятельность Земгора в Чехословакии исследована в работе Е. П. Серапионовой [12]. Она рассмотрела деятельность Земгора в 20-30-е годы: предоставление правовой, материальной, трудовой и медицинской помощи беженцам, а также проведение среди них культурно-просветительной работы. Система организаций и учреждений Земгора, его многоплановая деятельность стала объектом исследования И. В. Сабенниковой [11]. Однако необходимость выявить специфику взаимодействия Земгора с русскими эмигрантскими организациями в Польше требует объективного и комплексного исследования. При написании статьи автор изучил издания Земгора: отчеты, бюллетени, информационные листы о его работе и т. п., а также архивные материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (*далее – ГАРФ*), мемуары, эмигрантскую прессу.

Польша, благодаря протяженной сухопутной границе Советской Россией, оказалась своеобразными воротами, через которые русские беженцы пытались попасть в Европу, а некоторые из них думали найти приют и убежище в самой стране. Однако условия для нахождения беженцев оказались неблагоприятными. Сказывалась память о политике царской власти в период разделов Польши и последствия недавно закончившейся русско-польской войны 1919–1920 гг. Поэтому польские государственные органы рассматривали русских беженцев как нежелательный элемент и проводили курс на «выдавливание» их из страны. К началу деятельности Земгора в Польше помощью беженцам занимались: созданный в 1920 г. Б. В. Савинковым Русский Политический Комитет (переименованный в Русский Попечительский Комитет), предоставлявший помощь интернированным русским солдатам и офицерам, находившимся в лагерях; миссия Российского Красного Креста (*далее – РКК*), помогавшая беженцам одеждой, питанием,

решавшая жилищные, медицинские, трудовые проблемы; образованный в январе 1918 г. Русский Комитет в Варшаве проводил среди них культурно-просветительную, юридическую работу [3, 1922, № 2, с. 61-64]. После образования в Париже Земгора, в Польше группа бывших земских и городских гласных в Польше объединилась в Совецание Земских и Городских гласных под председательством П. Е. Бутенко [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 4, л. 309]. Однако Земгор в Париже отказался признать вышеназванную комиссию, считая, что деятельность организаций и учреждений Земгора в Польше в силу политических условий вряд ли возможна. Кроме того, это привело бы к дублированию в деятельности организаций и лишней трате средств [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 4, л. 309]. Поэтому Земгор в июне 1921 г. назначил своим представителем в стране П. Е. Бутенко, переведя ему 25 тыс. франков, которые он должен был направить на финансирование уже имеющихся эмигрантских организаций [2, с. 105]. Во время Первой мировой войны Земгор занимался снабжением армии всем необходимым, налаживал работу госпиталей, оказывал помощь инвалидам и беженцам и т. д. В эмиграции Земгор принимал участие в обеспечении их правовой, бытовой, трудовой, медицинской, культурной и просветительной жизни, тем самым способствуя скорейшей адаптации беженцев к конкретным условиям в стране пребывания. В Польше деньги, полученные от Земгора, направлялись на проведение культурно-просветительной работы, предоставлении юридической помощи, организацию пунктов питания, а также предоставлению возможности трудоустройства [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 2, л. 1]. Например, в 1921 г. на организацию юридической защиты тратилась 1/3 средств выделяемых Земгором [4, Ф. 5809, оп. 1, д. 53, л. 89]. В это же время приобретает остроту вопрос трудоустройства, в связи с тем, что в ноябре-декабре 1920 г. на территории страны оказались интернированы две русские армии С. Булак-Балаховича и Б. Пермикина общей численностью 17-20 тыс. человек [4, Ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 4]. В 1920–1924 гг. они находились в лагерях на территории Польши. Русский Попечительный Комитет установил свое покровительство над интернированными. При финансовой поддержке Земгора в лагерях Стшалково и Калиш открыли портняжную, сапожную, щеточную мастерские, а также мастерскую соломенных из-

делий. Им выделили средства на приобретения инвентаря. Мастерские работали как для удовлетворения потребностей жителей лагерей, так и на внешний рынок. Естественно, что этот вид помощи требовал больших оборотных средств и поэтому она была быстро прекращена [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 2, л. 30]. Кроме того из интернированных сформировали 55 артелей (около 4 тыс. человек) для работы, главным образом в Беловежской пушце и лесах Августова [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 30, л. 14]. Они трудились на заготовке леса и фабриках по его переработке. Земгор выделил средства на организацию артелей и подвоз их к месту работы [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 18; Ф. 5764, оп. 1, д. 149, лл. 346-347]. Поскольку трудиться приходилось в тяжелых условиях, а одежда и обувь у многих находилась в жалком состоянии, то в 1923 г. Земгор направил в артели 80 комплектов обмундирования, белья 1980 штук, в лагеря Стшалково и Калиш 25 комплектов обмундирования и 440 штук белья [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 19]. Всего же Земгор на приобретение одежды и обуви беженцам выделил 80 тыс. франков [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 19]. РПК на средства Земгора открыл в лагерях библиотеки, в частности в Калише, Стшалково и Тухоле, которые насчитывали 353 книги [4, Ф. 5809, оп. 1, д. 205, л. 4]. Кроме того, наиболее крупные артели интернированных снабжались за счет Земгора книгами и газетами [1, с. 29]. Для детей и малограмотных взрослых в лагерях организовали четыре школы [5, с. 106]. Поскольку эмиграция в 1917–1920 гг. носила добровольно-вынужденный характер, то наиболее распространенным являлся нелегальный переход границы. На численность и социальный состав эмиграции «катастроф» влияли не только политические, но и экономические факторы (в частности голод 1921 г. в Советской России). Осенью 1921 г. через пограничные пункты ежемесячно проходило по 30-50 человек, а метами и больше [4, Ф. 5864, оп. 1, д. 205, л. 14]. Большинство беженцев оказались или совершенно раздеты пограничной стражей, или, не имея денежных средств, не могли даже купить себе железнодорожный билет. Единственной организацией, которая могла оказать помощь этим изгнанникам, являлся Земгор. Материальная помощь (жилищно-питательная) оказывалась в самых разнообразных формах: сухие пайки, билеты на дешевые или бесплатные обеды в общественных, а также частных столовых,

предоставление ночлега. На территории Восточной Польши в пограничной полосе возникла система пунктов, где предоставлялась помощь беженцам (Вильно, Лида, Лунинец, Барановичи, Коренец, Ровно, Луцк, Кременец, Львов, Тернополь, Станислав). Так, в Вильно беженцы могли пообедать в столовой Земгора – 350 чел, но стоимость обеда в ней составляла 60 марок и не всем она оказалась доступной [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 10, л.23]. Часто беженцы с просьбами оказать материальную помощь обращались к православным священникам (Лунец, Ровно) [4, Ф. 5809, оп. 1, д. 205, л.17]. Но имели место случаи, когда местные власти без объяснения причин запрещали эту благотворительную деятельность. Поводом к репрессиям против эмигрантов послужило раскрытие весной 1922 г. в лагере Тухола «монархического» заговора. Несмотря на то, что суд оправдал обвиняемых, в апреле 1922 г. из страны оказались высланы несколько десятков человек, в т. ч. и миссию Российского Красного Креста (РОКК), которая оказывала беженцам значительную медицинскую и материальную помощь. Интернированных, которые трудились в артелях, сняли с работ и возвратили в лагеря. Указанные события дали властям повод запретить проживание русским в 150 км пограничной полосе в Восточной Польше. Вследствие чего многие из заведующих питательными пунктами оказались выселены (даже районного уполномоченного в Барановичах постигла эта участь) [4, Ф. 5809, оп. 1, д. 205, л.14]. Поскольку беженцы обычно не имели средств для оплаты жилья, то существенным подспорьем для решения данной проблемы служили общежития: в Вильно на 30 человек, а также небольшие ночлежки на 5-10 человек (в Гусятине, Копечинцах, Корце, Остроге, Скале) [2, с. 9]. После 1924 г. (признание СССР многими европейскими странами) эмигрантам становится ясно, что их пребывание за границей затянется на годы, а может быть и на десятилетия. Ввиду изменившихся условий Земгор сократил некоторые виды своей деятельности. Лагеря интернированных, забота о которых составляла одну из важнейших задач комитета, в 1924 г. были ликвидированы. Артели, в которых раньше трудились несколько тысяч человек, благодаря отправке значительной их части на работы во Францию, распались, а отдельные лица устроились на местах. Жилищно-питательная помощь почти целиком перешла в руки мест-

ных организаций [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 10, л.1]. В силу указанных выше причин, Земгор с 1 марта 1924 г. отказался практически полностью от жилищно-питательной помощи в том виде, в котором она предоставлялась ранее, а освободившиеся средства начал направлять на развитие культурно-просветительной работы. При этом, первостепенное внимание уделялось созданию и поддержке приютов, начальных и средних школ для подрастающего вдали от Родины молодого поколения. Перспектива более длительного пребывания на чужбине ставила перед беженцами в области просвещения две неотложные задачи: 1) спасти русских детей от неизбежной денационализации; 2) обеспечить обучение в школе на родном языке и воспитать в духе русской национальной традиции. Однако, решать эти задачи, стоящие перед русской школой в Польше, пришлось в очень сложной обстановке: в стране была поставлена задача ополчить край в кратчайший срок, борясь со школами с русским языком обучения. Председатель секции политического комитета Совета Министров по делам национальных меньшинств Тугут заявил, что расселенные по всей территории Польши русские выходцы могут пользоваться гостеприимством и учреждать собственные частные школы, но не могут требовать, чтобы государство содержало на свои средства правительственные школы для малочисленных представителей русской национальности [6, 1925, 16.4].

В виду остроты вопроса о русском меньшинстве (150–200 тыс. чел.) и его школе в Польше, от Земгора требовалась особая осторожность и особый такт, ограничиваясь обслуживанием культурно-просветительных нужд исключительно только беженцев. Комитет поэтому вынужден был с большей сдержанностью, чем в Эстонии, Финляндии и Латвии, идти в Польше как на создание специальной беженской школы, так и на использование существующей местной русской школы для обучения детей беженцев [5, с. 250]. Представление о положении русской школы в стране приведены в таблице [6, с.240].

Таблица № 1

	1922	1923	1924
Средние школы	35	23	15
Начальные школы	17	7	6
Всего	52	30	21
Приюты	3	6	10

В области школьной помощи в исключительных случаях при отсутствии в районе скопления беженцев местной школы, Земгор оказывал содействие в создании чисто эмигрантских школ путем их субсидирования или полного содержания за свой счет. Так, в 1923 г. работала средняя школа в лагере Стшалково. В ней обучалось 23 ученика при 9 педагогах. В другой субсидируемой Земгором «реальной гимназии» в г. Остров-Познанский было всего 18 учащихся и 8 педагогов. И лишь в Варшаве финансируемая Земгором начальная школа Русского Комитета (РК) имела 118 учеников. На ее содержание выделялось 850–950 франков в месяц (1924 г.) [5, с. 23]. Всего же в 1923 г. через посредничество местных организаций Земгор субсидировал 7 начальных школ, кроме того вносил плату (от 140- до 365 злотых за гимназиста) за право обучения в 16 частных средних учебных заведениях из общего числа около 500 детей беженцев, обучавшихся в средней школе, нуждающиеся дети снабжались учебниками и учебными пособиями; выдавалась субсидия экзаменационной комиссии при Академической группе на расходы, связанные с проведением выпускных экзаменов в средней школе; устраивались детские сады и летние детские площадки; субсидировались детские приюты [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 20, л. 16]. Земгор, сосредотачивавший свою работу в других странах исключительно в области начальной и средней школы, ввиду тяжелого положения русских беженцев в Польше и почти полной их оторванности от зарубежных русских культурных центров, вынужден был в этой стране включить в круг своих забот и шефство над студенчеством. Как уже отмечалось выше, в Польше оказалось несколько тысяч бывших солдат и офицеров различных добровольческих формирований, интернированных на ее территории. Многие из них в довоенные годы окончили гимназии, обучались в высших учебных заведениях. В лагерях интернированных в Острове-Познанском, Стшалково, Пикулице, Тухоли и Щелково находилось свыше 200 студентов [4, Ф. 5814, оп. 1, д. 4, л. 64]. Поскольку условия пребывания в них оказались тяжелыми, то студенты стремились из лагерей уехать, пытаясь поступить в польские Вузы и получить специальность, чтобы потом возвратиться на родину и служить новой, демократической России. Однако им сразу же пришлось столкнуться со сложными социально-бытовыми проблемами: от-

сутствием средств на покупку продуктов питания, на приобретение одежды, обуви и оплату жилья. Ситуация в стране усугублялась экономическим кризисом и инфляцией. Для того, чтобы сделать взаимопомощь более эффективной, студенты основали 31 марта 1921 г. Союз русских студентов в Польше (далее – СРС). Согласно принятому уставу, организация оказывала своим членам материальную и правовую помощь, а для этого поддерживала контакты с русскими общественными организациями [4, Ф. 5846, оп. 1, д. 1, л. 1]. В 1921 г. общее количество русских студентов составило около 1000 человек [13, 1922, № 3, с. 11-12]. Осенью 1921 г. в Варшаве проживал 101 студент, из них 82 человека обучались в столичных ВУЗах. Материальное положение их являлось следующим: 75 % жили в плохих жилищных условиях, 10 % в удовлетворительных, 15 % – в ужасных, 80 % нуждались в одежде и обуви, 40 человек в медицинской помощи и 77 человек в дополнительном питании [4, Ф. 5864, оп. 1, д. 15, л. 31].

Основную поддержку русскому студенчеству в Польше оказывал Земгор. Как уже отмечалось, жилищно-бытовые условия студентов постоянно находились в центре внимания СРС. К весне 1922 г. особую остроту приобрел квартирный вопрос. Несмотря на то, что в столице на Гроховской улице с помощью Земгора удалось открыть общежитие на 20-25 мест, найти квартиры нуждающимся оказалось практически невозможно [4, Ф. 5846, оп. 1, д. 6, л. 94]. Поэтому возникшую проблему разрешили следующим образом: в местечке Воломин под Варшавой сняли 5 помещений, главным образом дачи, где и разместили малоимущих студентов. Помещения оказались сырыми и холодными. Эти студенческие общежития содержались на средства Земгора (отопление, освещение и плата за жилье) [4, Ф. 5846, оп. 1, д. 8, л. 46]. выделялись также средства на оплату железнодорожных билетов до Варшавы. За счет средств Земгора СРС осуществлялось обеспечение студентов хлебом, а также обедами и ужинами. Для того, чтобы поправить свое материальное положение студенты создали артель из 55 человек. Во главе стояло выборное бюро труда, которое организовало две мастерские: сапожную и переплеточную. Главную поддержку для их открытия оказал Земгор, выделив необходимые финансовые средства [3, с. 61-64]. СРС предоставлял студентам ссуды (обычно на

месяц), оплачивал стоимость обучения на различных краткосрочных курсах: землемерных, языковых, топографических и т. д. [4, Ф. 5846, оп. 1, д. 6, лл.35, 38]. Несмотря на ограниченность своих финансовых возможностей, которые с каждым годом сокращались, Земгор уделял главное внимание русским студентам, обучавшимся в польских ВУЗах. В 1923 г. из 148 русских студентов, получивших высшее образование, 84 в той или иной форме пользовались помощью Земгора. Наиболее целесообразной формой поддержки являлись стипендии, позволявшие студенту целиком уделять внимание обучению.

В Польше регулярные стипендии не выплачивались, если не брать во внимание небольшие стипендии Земгора [9, с. 34]. В 1922 г. расходы СРС составляли: 32 % – выдача стипендий; 18 % питательная помощь; содержание общежитий – 8 %; оплата железнодорожных билетов – 3 %; ссуды – 8 %; плата за обучение и прием экзаменов – 14 % [4, Ф. 5846, оп. 1, д. 17, л.40]. Таких стипендиатов Земгора в 1923 г. имелось 20 человек. Кандидаты на стипендию этой организации в Варшаве избирались СРС и Академической группой [5, с. 252]. Постоянная нехватка средств привела в 1925 году даже к конфликту между Земгором и СРС. Тяжелое финансовое положение Земгора стало причиной прекращения помощи неуспевающим студентам. СРС заявил «о трагическом непонимании Варшавы Парижем» и о том, что «в Париже имеют отдаленное представление о тяжелых условиях жизни русских студентов в Польше». На это Земгор ответил, что его меры свидетельствуют скорее об обратном. «Репрессии Земгора оказались направлены на неуспевающих, а стипендии лишилось всего 5 человек» [4, Ф. 5846, оп. 1, д. 22, л. 11]. Важную роль в сохранении культурного национального очага в Польше играло библиотечное дело. В 1915–1920 гг. общественные библиотеки оказались частью конфискованы, частью закрыты властями, библиотеки русских учебных заведений переданы польским учебным заведениям. С 1920 г. скопление русских беженцев в некоторых пунктах вызвало значительный спрос на русские книги. Однако первоначально недостаток средств и отсутствие организаций беженцев тормозило процесс создания новых библиотек и хлопоты по снятию запрета со старых. Первая эмигрантская библиотека была открыта Рус-

ским Комитетом в Варшаве осенью 1920 года. В 1922 г. в Польше имелось 11 библиотек, которые финансировались Русским Попечительным Комитетом на средства Земгора. РПК создал в Варшаве центральный книжный склад, который начал функционировать с октября 1922 г. Он приобрел 813 книг на сумму 547 тыс. польских марок [4, Ф. 5809, оп. 1, д. 205, л.1].

Следовательно, Парижский Земгор, созданный в феврале 1921 г., сразу же начал оказывать помощь русским беженцам в Польше. Поскольку, учитывая политическую ситуацию в стране, он не мог создавать здесь свои учреждения, то оказывал финансовую поддержку уже существующим общественным организациям. Если на первом этапе своей деятельности (до 1924 г.) главное внимание уделялось предоставлению юридической, материальной, жилищно-питательной, медицинской помощи и помощи в трудоустройстве, то после 1924 г. в качестве приоритета выдвигается культурно-просветительная работа: поддержка начальной и средней школы, студенчества и организация библиотек. Земгор стал своеобразным центром, который пытался оказывать помощь и объединять эмигрантов в стране.

Примечания

1. Бюллетень Земгора. – Париж, 1921. – 15 марта. – № 2 – 36 с.
2. Бюллетень Земгора. – Париж, 1922. – 15 декабря. – № 9-10 – 107 с.
3. Вестник эмигранта.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
5. Зарубежная русская школа (1920–1924 гг.). – Париж, 1924. – 278 с.
6. За свободу.
7. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского Зарубежья (1920–1970) / П. Е. Ковалевский. – Paris, 1971. – 372 с.
8. Мейснер Д. Миражи и действительность / Д. Мейснер. – М., 1966. – 299 с.
9. Русская молодежь в высшей школе за границей. 1922–1932. – Париж, 1933. – 61 с.
10. Сабенникова И. В. Русская эмиграция как социально-культурный феномен / И. В. Сабенникова // Мир России, 1997. – № 3. – С. 155-184.

11. Сабенникова И. В. Российская эмиграция 1917–1939: сравнительно-типологическое исследование / И. В. Сабенникова. – Тверь, 2002. – 431 с.
12. Сабенникова И. В. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы) / И. В. Сабенникова. – М., 1995. – 196 с.
13. Студент.

Йолкін А. І. Паризький Земсько-Міський комітет та російська еміграція в Польщі в 20-30-ті роки ХХ ст.

У статті розглядається процес взаємодії Паризького Земсько-Міського Комітету з російськими емігрантськими організаціями у Польщі. Вивчені фактори, які впливали на особливості цього співробітництва, а також проаналізовані етапи становлення та зміни цих взаємовідносин.

Ключові слова: Польща, Земсько-Міський Комітет, біженці, адаптація, культурно-просвітницька робота.

Elkin A. Paris Zemstvo and City Committee and Russian emigration in Poland in the 20-30s XX century.

The article describes the process of interaction between Paris Zemgor with Russian emigre organizations in Poland. The factors that influenced the features of this cooperation, as well as analysis of the stages of formation, and changes in these relationships.

Key words: Poland, Zemgor, refugee, adaptation, cultural and educational work.

УДК 94(540)«1941/1947»:329.73

Індійський національний конгрес на шляху до незалежності (1941–1947 рр.)

Чувпило О. О.

У статті аналізується визвольний рух народів Індійського субконтиненту під час Другої світової війни та в перші післявоєнні роки, розглядається політичний курс Індійського національного конгресу (ІНК), який очолював боротьбу індійців проти англійського панування, висвітлюється політика британських колонізаторів в Індії, показується їхнє ставлення до Конгресу та до індійського національно-визвольного руху.

Ключові слова: Індія, національно-визвольний рух, Друга світова війна, Індійський національний конгрес, Мусульманська ліга, М. К. Ганді, М. А. Джинна.

Незважаючи на наявність новітніх публікацій із історії Індії та її антиколоніального руху [див., наприклад: 1; 2; 4; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 13; 14, с. 189-504; 15; 16; 18; 21; 22; 33; 37; 42], боротьба індійців за свободу й незалежність на заключному етапі визвольних змагань все ще залишається недостатньо вивченою. Тому в даній статті, яка є логічним продовженням нашого попереднього дослідження про протистояння індійських патріотів та англійської колоніальної влади на першому етапі Другої світової війни [12], висувається завдання стисло розглянути найважливіші події, що відбувалися в Індії у 1941–1947 рр., і призвели до звільнення народів Індійського субконтиненту від британського панування. Приступаючи до розгляду поставленого питання, слід зазначити, що боротьбу за національну незалежність населення найбільшої колонії світу очолював Індійський національний конгрес (ІНК) [про нього див.: 4; 8; 13; 25; 36; 38; 39, с. 35-60; 40; 41], який під керівництвом свого загальноновизнаного лідера М. К. Ганді [про нього див.: 6; 21; 27; 31; 34; 37; 42] з 17 жовтня 1940 р. фактично по березень 1941 р. проводив ма-